

18+

Егорова Варвара

СТЕНЫ УЧИЛИ
МОЛЧАТЬ

Варвара Егорова

**Стены учили молчать.
Она поёт, чтобы ты забыл,
как звать на помощь**

«Издательские решения»

Егорова В.

Стены учили молчать. Она поёт, чтобы ты забыл, как звать
на помощь / В. Егорова — «Издательские решения»,

Что, если колыбельная — это ловушка? В старом интернате мелодия живёт
в стенах: искажает реальность и питается страхом. Вита чувствует, как
песня стирает воспоминания и диктует движения. Взрослые знают правила,
но молчат. Разгадка — в прошлом Виты: в безумии дяди Павла и тайне Елены.
Когда школа загорается, маски падают. Чтобы победить проклятие, кто-то
должен уйти вместе с ним. Последний такт отзвучит — останется тишина.
И дети, которым больше не нужно бояться собственных голосов.

© Егорова В.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Кто водит?	6
Глава 1. Колыбельная из фильма ужасов	6
Глава 2. «Показалось?»	10
Глава 3. ночь, которая не кончалась	12
Глава 4. Тень, которая боится	14
Глава 5. Когда мы разучились быть рядом	19
Глава 6. Там, где горели	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Стены учили молчать
Она поёт, чтобы ты забыл,
как звать на помощь**

Варвара Егорова

© Варвара Егорова, 2026

ISBN 978-5-0071-0861-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Кто водит?

Глава 1. Колыбельная из фильма ужасов

На экране телефона застыло непрочитанное сообщение от Сони: «Они уже тут. Ты где?» Вита молча убрала телефон. Она была там, где и должна быть, — у окна второго этажа, откуда видно весь двор. Ей не нужно было никуда бежать. Её уже не забирали. Ни летом, ни на праздники, вообще никогда.

Здание интерната будто не стояло, а вращалось в землю. Каждый вечер Вита чувствовала, как оно тяжелеет, будто тянет к себе всё плохое, что было в этом месте, и делает это своей плотью. Она стояла у окна и смотрела не на двор, а на фасад: на то, как тени ложились не по правилам. На втором этаже, где по плану не было окон, иногда прорезалась узкая тёмная щель — будто кто-то приоткрывал ставню и тут же прятался обратно. Стоило моргнуть — и щель исчезала.

Холод полз по спине не от ветра, а изнутри, как будто сама школа пускала его по венам. Вита прижимала ладони к стеклу, чтобы почувствовать твёрдость, но стекло казалось тёплым, будто здание дышало сквозь него. Её глаза — один голубой, второй тёмный — на секунду зацепились за фасад, и в этом различии ей вдруг почудилось объяснение всему: один глаз искал логику, второй уже знал, что здесь ничего не бывает просто так. Но она не стала об этом думать. Не хотела.

Двор гудел: машины, чемоданы, прощальные крики, плач первоклашек. Но звук шёл будто сквозь вату: он не отражался от стен, а глож в них, как будто здание жадно втягивало голоса и оставляло себе. Павел Игоревич стоял у ворот — спокойный, высокий, в классическом костюме с бабочкой. Вита машинально скользнула взглядом по его ногам: носки сегодня были разного цвета — один синий, другой бордовый. Дети смеялись над этим, но сейчас эта нелепая деталь казалась единственной нормальной вещью во всём дворе. Как будто, пока носки разные, мир ещё держится.

Соня встала рядом, не трогая Виту, — просто чтобы быть рядом. — Пойдём, а то каша совсем остынет. Вита не двигалась. Ей казалось, что, если она отойдёт от окна, здание поймёт, что она сдалась, и начнёт действовать смелее.

В столовой запах подгоревшей каши оседал на языке, густой и липкий. Вита водила ложкой по тарелке, прислушиваясь не к словам, а к звукам: к скрежету металла, к шелесту одежды, к шагам, которые в этом здании не затихали, а тянулись, как эхо. Её горло пересохло, и каждый глоток чая царапал его изнутри. Она не ела — только двигала еду по тарелке, чтобы никто не спрашивал, почему она не ест.

Дни складывались в один длинный коридор, тягучий и липкий, и каждый оставлял в Вите крошечную трещину. На уроке истории она смотрела на доску, а видела только пятна мела. В висках стучало, и каждый стук был похож на: «Тебя не забрали, тебя не забрали». Когда прозвенел звонок, она выдохнула так громко, что соседка по парте покосилась на неё.

После уроков они шли по коридору, и Вита снова почувствовала это: стены будто сужались. Не физически, а как будто пространство решало, сколько воздуха оставить людям. На стене была царапина — глубокая, до самой штукатурки. Вита провела по ней пальцем, и под ногтем осталась белая пыль. Холод от стены передался пальцам, и по руке пробежала дрожь. Она хотела отдернуть руку, но не смогла: пальцы будто прилипли к этой царапине, как к улике.

— Не трогай, — тихо сказала Соня. — Тут всё какое-то... неправильное. Вита кивнула. Она и сама это чувствовала.

Приближалась линейка, посвящённая Дню знаний. Девочки быстрыми шагами удалялись из коридора школы, приближаясь к выходу. Напоследок Вита зыркнула в окно первого этажа, будто всё ещё надеялась на чудо. Но чуда не было. На дворе уже не осталось ребят — все разошлись по комнатам, куда и направлялись подруги. Они жили в самом изящном здании: внешне его можно было спутать с пятизвёздочным отелем. Девочки уже не придавали значения этой роскоши — они стремились быстрее зайти в комнату, запереть замок и не возвращаться в учебное здание.

Пробираясь по этажам к своей комнате, они не заметили ничего нового: мимо проплывали всё те же коридоры, застеклённые двери, жилые этажи. Но в какой-то момент семиклассники громко и эпично обсуждали школьные байки. Мимолётно девочки расслышали про призраков, духа школьной столовой и кроватной уборщицы — это показалось им забавным. Ребята всегда старались скрасить свои дни в стенах школы: истории плавали от поколения к поколению.

Что-то заставило подруг задержаться на этаже и послушать дальше. Как вдруг мальчик, больше похожий на преподавателя, начал историю про проклятую землю школы, про то, что в школе звучит песня и кто услышит её до утра — не доживёт. Все рассмеялись, а мальчишка весь порозовел от стыда. Тогда он не заметил, что не у всех слушателей история вызвала смешливую реакцию: Вита и Соня стояли с ужасом на лице. Они давно выросли из всего этого, но школа выводила их на эмоции даже в таких ситуациях.

— Вы что, решили втиснуться в весёлую группу семиклассников? — прозвучал до боли знакомый голос сзади.

— Не кричи, Лёв. Видишь, девчонки решили с ними вызвать призрак кроватной уборщицы, — с иронией произнёс не менее известный голос.

Девочки быстро пришли в себя, развернулись и увидели знакомые на всю школу лица двух парней. Один был низенький, с видом человека, у которого слишком высокое эго. Второй — симпатичный, высокий парень, не менее умный, но старающийся скрыть это за гримасами и масками. Оба казались весёлыми, лёгкими на подъём — из тех, кто прикроет, если это понадобится.

— Смотри, чтобы в будущем твой призрак не вызывали, — с насмешкой произнесла Соня, обращаясь к парню повыше.

— Вы что, потерялись в трёх шагах от комнаты? Что вы забыли у этих сказочников? — это сказал Тим. Он и правда был очень умным, но на чувства людей не всегда обращал внимание, выбирал себя в сложных ситуациях, предавал каждого, кроме своей компании. — Вам давно пора собраться: мероприятие меньше чем через десять минут!

Все ещё раз кинули взгляд в комнату к семиклассникам, но те устали на них и всем видом показывали своё недовольство. Вита быстро захлопнула дверь, и они быстрыми шагами удалились на этаж выше. Комнаты старшеклассников находились на пятом этаже каждого корпуса. Этаж выглядел как домашняя гостиная. Комнаты девушек и юношей были расположены друг напротив друга. Вита и Соня жили в номере 595, а мальчишки — в 596. Комнаты были одинаковыми: оранжевые двери, ручки, покрытые серебром; минимализм показывал статус каждого ребёнка. Школьники уже знали, что, окончив учреждение, они окажутся при деньгах, в хороших вузах.

Приблизившись к своей двери, девочки глянули на мальчишек: те хихикали и, стараясь сдержаться от заливного смеха, выглядели подозрительно. Соня не придавала этому значения. Резко открыв дверь, она увидела мальчика: он тихо свисал с потолка и не подавал признаков жизни, кровь капала с его ботинок, уже образовав большую лужу в коридоре.

— Артём, ты сам будешь всё это убирать! — вдруг прошипела девочка, но мальчик продолжал безжизненно висеть.

— Тём, это правда не смешно... Или ты слазишь, или я зову Павла, и тогда... — Вита не успела договорить, как мальчишки залились истеричным смехом; лица их были похожи на переспелые сливы.

До торжественного открытия учебного года оставалось минут пять. Девочки со злостью переступили через кровавую лужу на полу и разошлись по гардеробным. Через минуту каждая повесила на плечо эмблему школы и, немного припудрившись, вышла. Мальчишка, который ровно секунду назад висел над их дверью, уже вовсю смеялся и протирал пол первой попавшейся тряпкой. Это был симпатичный парень — полная копия Сони: те же черты лица, рост, цвет глаз и волос. Они были двойняшками и последними близкими людьми, которые остались друг у друга.

— Это что, моя рубашка? — громко вскрикнула Вита. Мальчики засмеялись ещё громче.

Их радость и улыбки быстро пропали, как только по громкоговорителю прозвучал звонкий мужской голос: «Просьба ученикам пройти в большой зал!» Ребята без энтузиазма двинулись к выходу.

Большой зал был очень светлым, с большими панорамными окнами. Около них располагались статуи, изображающие известное всем: «Не слышу зла, не вижу зла, не говорю зла». Паркет, покрытый лаком, сверкал от лучей солнца, пробивавшихся в осеннюю атмосферу комнаты. Школьники выстраивались по классам; у каждого на лице сверкала улыбка — возможно, это была маска печали, но детский смех был слышен с каждого угла и эхом проносился до учительской стороны. Учителей было немного, все были улыбчивы и добродушны; они стояли напротив классов и тихо обсуждали каждый своё. По центру стояло уже знакомое лицо: директор бурно о чём-то спорил с преподавателем по географии Александром Владимировичем.

Ребята забежали в зал. Тёма, быстро найдя класс глазами, показал: «Идите за мной». Они встали в небольшую колонку своего класса, и Павел радостно начал речь:

— Большой зал — это место, где встречается радость и тоска, первый и последний звонок. Мы рады, что проходим этот путь с вами! — заученные с годами слова вылетали из его рта и эхом проносились между рядами школьников. — Первоклассники, вы начинаете...

Вита вдруг перестала слышать его слова — они сливались в одно. Она быстро подняла взгляд на Сонию: та с ужасом смотрела на неё, не понимая, что произошло. Обернувшись по сторонам, они заметили ужасное: некоторые дети с непониманием смотрели в пустоту, другие с ужасом зыркали по сторонам, стараясь прекратить дикую головную боль, которая мимолётной поселилась в каждой клеточке. Вита повернулась в сторону мальчиков и, не обнаружив их, со страхом посмотрела на Павла Игоревича. Директор продолжал произносить свою речь как ни в чём не бывало. Резко обрушившаяся тоска свалилась на головы детям, путая их сознание; в их глазах читалось только одно: «Посмотрите же на меня, мне больно».

Резкий толчок. Вита уставилась на директора и ощутила тепло солнечных лучей, пение птиц, утреннюю росу и добрый взгляд Павла. Он смотрел на неё и что-то говорил, но слова больше не складывались в предложения. Вита впала в истерическое окаменение, шум стих, и она услышала лёгкую мелодию — ту, что напоминала детскую колыбельную, обработанную под фильм ужасов. Девочка зажмурилась.

Открыв глаза, она стояла в том же зале, с теми же людьми, но мальчиков так и не обнаружила. Сердце бешено колотилось. Она почувствовала, как кто-то взял её за руку. Это была Соня: девочка была напугана не меньше, в её глазах застыли слёзы.

Несмотря ни на что, они выстояли всю торжественную часть, выслушав, как для них важна учёба и государственные экзамены. Мысли стали приходить в порядок, и, как только

директор окончил и отправил всех на обед, они резко сорвались с места, но не успели сделать и шагу.

— Стоять! — произнёс звонкий, но совсем не злой голос. — Девочки, у вас всё хорошо? — Павел был намерен узнать, что за сцена случилась посреди огромного зала, наполненного детьми.

— Мама не приехала, я сошла с ума в этом дурдоме — всё лучше некуда! — ехидно ответила Вита, постаравшись резко выйти из зала, но Павел схватил её за руку.

Соня молча наблюдала за происходящим, лишь слегка улыбнувшись, когда подруга решила поставить директора на место. Павел лёгким движением руки приказал ей идти на обед, продолжив разговор с Витой:

— Ты слишком тревожная, — произнёс ласково он.

— Да что ты, пойду к ребятам, повеселюсь и совсем позабуду о Инге, — Вита уже без иронии начала кричать на учителя. — Если ты не забыл, твоя родная сестра скинула меня на тебя и не соизволила появиться даже летом!

Глаза Виты не дрогнули, разговоры о родителях уже давно не вызывали у неё чувств. Павел же смутился: он не привык к тому, чтобы его отчитывала племянница в его же здании. Он онемел и не придумал ничего, кроме того, чтобы обнять девочку.

После напряжённого разговора с дядей Вита отправилась к Соне. Она не знала, где мальчики, где подруга, просто шла в комнату, как будто понимала — разгадка там. Оказавшись около номера 595, она опустила ручку двери, и что-то очень родное пробралось в её сердце. Заходя, она почувствовала запах свежих булочек и апельсинового сока. За столом сидели все: Соня, Тёма, Лев, Тим. Впервые за много месяцев она ощутила себя дома, захотела находиться в этой комнате. Ребята сбежали с торжества, чтобы накрыть стол и в дружной обстановке отметить начало кошмара.

Приблизилась ночь. Небо было невероятно красивым. Засмотревшись на него, Соня уснула в мгновение. Вита осталась: ей нравилось наблюдать за звёздами. Случайно опустив свой взгляд вниз, она заметила до боли знакомую женщину у ворот школы. Это была её мать.

Глава 2. «Показалось?»

На этаже прозвенел звонок — резкий, будто кто-то ударил по стеклу. Солнце пробивалось в окно, но свет казался неестественно ярким, будто выкрученным на максимум. — Доброе утро... — одновременно хрипло произнесли Вита и Соня, открывшие глаза лишь на третий звонок.

Комната 595 была уютной: кровати друг напротив друга, стол, заваленный тетрадами, постеры на стене, ванная, где косметика лежала россыпью. Главная ценность комнаты — терраса с телескопом и растениями, которые вечно забывали поливать. Вита любила стоять там вечерами, делая вид, что смотрит на звёзды, а на самом деле просто пряталась от всех.

Шёл второй месяц учёбы, и рутина уже стала привычной. В коридоре мелькали старшеклассники: кто-то бодро повторял домашку, кто-то едва волочил ноги. Всё выглядело как обычный день. Но было в этой обыденности что-то неправильное — будто все играли по одному сценарию, слишком ровно, слишком одинаково.

Со всего этажа выделялись только комнаты 595 и 596: оттуда никто не торопился на завтрак. Неожиданно к одной из дверей подошла женщина — худая, с острым лицом и взглядом, в котором читалось: «я пойду по костям». Она захлопнула дверь перед носом рыжеволосого мальчика и двинулась дальше. Из соседней комнаты вышли ученицы, зыркнули на неё, закатили глаза и быстро ушли.

— Вита, ты обязана... — Нет, Инга, я тебе ничего не должна! — крикнула девочка с конца коридора.

Лицо Инги исказилось, будто на секунду проступил звериный оскал. Рыжий мальчишка с друзьями насмешливо переглянулись и ушли, нарочно дразня её.

В столовой пахло сырниками с варёной сгущёнкой. Друзья сели за стол, повисло молчание. — Мне твоя мамочка чуть нос не сломала, — буркнул Тёма. — А лучше бы сломал, и тебе замотали бы рот в гипс, — отрезала Соня. Двойняшки кинули друг в друга чем попало.

Вита сидела, будто сквозь неё проходил холодный сквозняк. Мать могла приехать в любой момент, и каждый раз это значило одно: сухие указания и чувство, что ты лишний.

— Может, расскажешь Павлу? — тихо спросила Соня. — Сама решу, — коротко бросила Вита.

Она вспомнила тот вечер: как стояла у окна, смотрела, как мать выходит из машины, и внутри всё сжималось. Вместо улыбки — жёсткий, сухой взмах руки: «не мешай». В тот момент Вита впервые осознала, что её присутствие — не радость, а неудобство. И сейчас это воспоминание снова царапнуло где-то под рёбрами.

Завтрак закончился на грустной ноте. Лева и Тим пытались шутить, но даже их шутки звучали как попытка спрятаться.

Тим всю дорогу до кабинета тараторил про День учителя — про розыгрыши и про то, как хоть раз почувствовать власть над школой. Двойняшки успели десять раз поссориться и помириться, Вита старалась ни о чём не думать.

День тянулся как день сурка: уроки, столовая, домашняя работа. К ночи в младших классах погасили свет, старшие занимались своими делами. Вита и Соня сидели над докладом по биологии, когда воздух вдруг стал гуще, а тишина — громче. Они переглянулись без слов и пошли к парням.

— Вита! — голос из коридора заставил её вздрогнуть.

Перед ней стоял Павел Игоревич в смешной пижаме. — Паша, почему она здесь? Что значит «подобрал»? — выдохнула Вита. — Инга будет работать в библиотечном отделе. Это не обсуждается! — впервые Павел говорил так холодно.

— Но... — Не обсуждается! — он сорвался, и это было страшнее любого крика. — Иди спать. Если опоздаете — учту в учебном деле!

Он ушёл, удаляясь вниз по лестнице. Последнее слово будто долетело с самого низа. Вита стояла, чувствуя, как по спине ползёт холод. Куда делся тот Павел, который смеялся над каждой шуткой и носил разноцветные носки?

Вита повернулась и пошла по коридору к комнате мальчиков. Она уже почти дошла, когда краем глаза заметила движение у боковой ниши — там, где обычно хранили швабры и где почти никогда никого не бывало. Мелькнула тень, похожая на силуэт мальчика. Вита резко повернула голову, ожидая увидеть кого-то знакомого, но в нише было пусто. Только пыль кружилась в тусклом свете лампы, будто здесь только что кто-то стоял.

«Показалось», — подумала она, но сердце стучало так, будто она только что пробежала весь этаж.

Не останавливаясь, Вита ускорила шаг и толкнула дверь в комнату мальчиков.

Глава 3. ночь, которая не кончалась

В ту ночь пустота не отпускала девочек. Она была не просто тишиной — она давила, будто коридор стал уже, а воздух гуще. Ровно в два часа ночи они проснулись от лёгкого шума, похожего на то, как кто-то медленно тянет по полу тяжёлый ящик. Выйдя в коридор, они увидели Ингу: она была другая, с добрыми чертами лица, улыбочивая, будто хотела всем понравиться. Но глаза всё выдавали — в них не было тепла, только холодная пустота, от которой по спине бежали мурашки.

В дальнем углу распахнулись двери комнаты, и из неё вышла девочка — староста этажа. Попытавшись разобраться с ситуацией, она подходила всё ближе и ближе к женщине. Инга, ощутив приближение, с размаха ударила девочке по лицу. Звук был сухим и резким, как щелчок сломанной ветки.

— У неё что, хобби — носы ломать? — шёпотом произнёс Тёма, вышедший на шум.

Девочки молча посмотрели на него. Было видно, что они хотели посмеяться, чтобы сбросить напряжение, но вдруг услышали знакомую мелодию. Инга всё быстрее и быстрее надвигалась на них. Староста лежала на полу, скорчив лицо от боли, и зажимала нос дрожащими пальцами. Девочки и Тёма заметили, как Инга с каждым шагом ближе... ближе... ближе...

Они успели отскочить и прижаться к стенке, когда женщина, словно не видя их, прошла вперёд в подсобное помещение. Её шаги не затихали — они просто растворились в тишине, будто её и не было.

— Она лунатит, — сказал юноша с конца коридора, помогая подняться Свете.

— Я никогда не замечала этого за ней, — со страхом произнесла Вита; её голос дрожал, будто она только что пробежала кросс и никак не могла поймать дыхание.

Вита и двойняшки направились к кладовой: оттуда исходил свет, как будто кто-то хранит в ней луч солнца. Он был неестественно ярким — не принадлежал этому миру.

Открыв дверь, ребята не смогли разглядеть ничего: свет был не тёплым и не холодным — он был пустым. Он въедался в глаза, и Вита зажмурилась так сильно, что перед веками вспыхнули красные круги. А когда она снова открыла глаза, мир будто застыл: ни шороха, ни скрипа, даже собственное дыхание исчезло. Время остановилось.

Полное опустошение окутало детей с ног до головы. Они стояли, не в силах пошевелиться, а потом тишина лопнула. Их будто швырнуло обратно в коридор — и тут же на них обрушился звук: колыбельная, знакомая до мурашек, гремела прямо в ушах, хотя никто не включал магнитофон.

Тёма очнулся первым. Его взгляд метался по коридору, пока не остановился на Вите. Увидев, что она в порядке, он подбежал к Соне. Девочка, ударившись о стену, тихо лежала в луже крови, её волосы слиплись от влаги, а пальцы слабо сжимали край плитки.

Вита не успела осознать происходящее, как к ней подбежал Павел: он был серьёзным, но очень испуганным, будто сам не верил, что оказался здесь в пижаме с котиками. Заметив, что племянница в сознании, он устремился к Соне. Девочка уже открыла глаза; при виде того, как директор её спасает, она не сдержалась и залилась смехом. Он был настолько детским и чистым, что довёл Павла Игоревича до слёз. Сидя на коленях, он рыдал, как первоклассник при виде прививки, и шептал: «Всё хорошо, всё хорошо...» — будто пытался убедить не только её, но и себя.

Ночь сменилась рассветом. Полосы бледного света легли на пол коридора, но не сделали его менее пугающим. Все сидели в комнате девочек, тесно прижавшись друг к другу, будто тепло чужих плеч могло защитить от того, что случилось.

— Для чего ему скрывать её? — молчание нарушил Тёма. Его голос звучал непривычно тихо, без обычной насмешки.

— Может, он чувствует вину... — начала говорить Вита, но в комнату постучали.

Ребята, осознавая, что это может быть Инга, боялись идти к двери, но забыли, что впопыхах не заперли её. В комнату ворвались один за другим Тим и Лев.

— Я её слышал, — произнёс Тим.

В его глазах читался страх, которого раньше никто не видел.

— Я слышал эту песню!

— Не обращайтесь внимания, — быстро и чуть хрипло произнёс Лев. — Я разлил воду и, пока спасал свой ноутбук, который доверил одному болвану... — Он посмотрел на Тёму со злостью, будто хотел, чтобы тот просто перестал бояться. — Короче, он пошёл за тряпкой в кладовую, а вернулся... вот. Ненормальным!

— Я слышал её, — повторял и повторял Тим.

Друзья впервые увидели его таким. Из надменного человека вмиг вышли все силы: он был слаб и напуган, как щенок, которого бросили посреди дороги. Вита смотрела на него и понимала: если Тим боится, значит, опасность настоящая.

Этой ночью всем было не до сна. Вита вспомнила слова об учебном деле: неужели Паша вынесет им наказание? И что сейчас происходит со Светой... Все мысли смешались в голове, как перепутанная пряжа, которую невозможно распутать.

Они заварили крепкий чай, и он был горьким, но этот горький вкус казался правильным — будто только так можно почувствовать, что ты ещё жив. Они проболтали всё оставшееся время до звона будильника, цепляясь за обычные слова, как за перила на крутой лестнице. Возможно, впервые эти две комнаты появятся в столовой раньше остальных.

Они приняли решение не вспоминать эту ночь, но она оставила свой след не только морально: Соня сидела с перевязанной бинтом головой, Вита ободрала локоть, а где-то в соседней комнате отличница, староста и гордость школы Света замазывала тональным кремом свой синяк под глазом, стараясь не смотреть на себя в зеркало.

Переодевшись и напутившись от души, ребята, улыбочивые и будто нормальные, пошли на уроки. Вита смотрела на пустую столовую, где уже развешивали праздничные плакаты. Казалось, что ночь с кладовой и колыбельной была сном. Но синяк под глазом Светы и перевязанная голова Сони напоминали: это был не сон. Так всё и шло, день за днём, пока не наступил День учителя.

Глава 4. Тень, которая боится

Преподаватели интерната сидели за круглым столом столовой, как вдруг с потолка на них свалилось что-то большое, страшно изуродованное.

— Вот тупица, без фантазии! — тихо прошипела рыжая девочка, снимающая всё это на телефон.

Учитель по географии, резко выпрыгнув из-за стола, побежал за помощью. Остальные в онемении смотрели на тело мальчика, нависшее над их вишнёвым пирогом. Но среди них оказался проверенный временем человек: это был самый взрослый преподаватель в интернате, лет 70. Его дисциплиной было не что иное, как безопасность жизнедеятельности. Он спокойно взял своими морщинистыми руками кусок пирога и, тихо покусывая, улыбался, поглядывая то вверх, то на обезумевших коллег.

— Николай Евгеньевич, да как вы можете... — не успел договорить голос молодой, на вид очень симпатичной медсестрички Леночки, уже забегающей в столовую.

Пока она пробиралась через толпу плачущих малышей, наблюдавших за всей картиной, безжизненное тело тихо падало вниз. Когда помощь подоспела, мальчик ногами уже топтался по утреннему угощению учительского стола.

В большую столовую, больше похожую на королевский зал, не медля ни минуты, зашёл директор школы. Посмотрев на свисающую рыжую голову и зыркнув на Соню снимающую это, он захохотал.

Преподаватели один за другим подняли взгляд наверх и лицезрели весьма весёлую картину: Лев дрался с Тимом за право держать верёвку; Вита рассказывала малышам, что такое случится с каждым, кто не поцелует руку медсестры. Именно поэтому Леночке пришлось отбиваться от метровых ребятишек, бегающих вокруг неё. В конце она просто пригрозила сделать прививку каждому, кто ещё раз посмеет её поцеловать.

Так в стенах школы начался самый весёлый и запоминающийся праздник.

Веселье ждало учителей и сразу после завтрака. Леночка не успевала бегать между покалеченными девятиклассниками, которые то и дело сунут руку в мясорубку или, что ещё хуже, переедут друг друга на детских велосипедах.

— Хотелось бы вам дать произведение, обучающее этикету, — произнёс серьёзный голос за учительским столом. — Но сегодня мы читаем ваши сочинения, что и без того ужасно.

Преподавательница литературы Татьяна Сергеевна не была злой, хотя старалась всегда показать себя в таком амплуа. Эта высокая гордая женщина с добрыми глазами, не спадающей с лица улыбкой и золотисто-русыми волосами. Единственное, чего девушка стеснялась, — уши: они были большими, бесформенными, но, сливаясь с её внешностью, напоминали маленького милого эльфа.

— У вас ОГЭ на носу, а вы «жи-ши» через «ы» пишете, не стыдно? — Татьяна Сергеевна была намерена принизить выпускников, но даже это делала с улыбкой.

— Зато от души! — крикнул Лёва с дальней парты, с такой интонацией, как будто сам верил в это всем сердцем.

— А! Леонов... Тогда с тебя и начнём! — без прежней улыбки учительница нашла зелёную тонкую тетрадь.

«Летом было не очень, водитель орал на барана, друзья крутые» — это полное содержание всей тетради.

Лев, слегка покраснев, засмеялся ещё сильнее. Вита и Соня, переглянувшись, залились не меньшим смехом. В такой уютной и не особо напряжённой атмосфере прошёл один урок за другим.

Несмотря на праздник, в интернате был полный рабочий день: ребятам пришлось идти на факультативы и делать домашнюю работу, что очень сильно мешало им совершить главный розыгрыш дня.

Пока все готовились к шалости, Вита тихо, без энтузиазма поднималась на дополнительные занятия в библиотеку. Она представляла самые нудные 40 минут в своей жизни, совсем забыв, что её мама работает в том крыле.

Уже через минуту девочка стояла у дверей класса. Холод скользнул по спине, будто кто-то провёл по ней ледяной ладонью. Вита мимолётно осмотрелась, поняв, что единственное свободное место — рядом с первоклассником. Усевшись, она быстро пролистала свою работу.

— Добрый день, мои хорошие! — произнёс ужасно знакомый лицемерный голосок.

Вита резко обернулась. Инга была одета в прелестное платье, а на плече гордо вырисовывался силуэт созвездия.

— Я заменяю вашего преподавателя, — произнесла женщина. — Татьяна Сергеевна недомогает.

— Чушь, мы часа четыре назад были у неё на уроке! — вскрикнула Вита, всем видом показывая своё безразличие к матери.

Света, которая была до ужаса напугана при одном лишь виде Инги, тихо покачала головой, согласившись с одноклассницей.

— Я не позволяла никому выкрикивать что-то вслед! — закричала женщина. — Если ещё раз такое случится, вы не увидите хороших аттестатов никогда! — Она с насмешливой улыбкой посмотрела на дочь.

Инга подошла к первой парте: мальчишка вжался в стул и тихо заскулил, как щенок. Вита молча взяла его за руку. Её ладонь была тёплой, и мальчик перестал скулить.

— Ты думаешь, если за тебя платят и ты учишься на всём готовом, то малолетка смеет так разговаривать с преподавателем? — Инга наступала на Виту с волчьим оскалом. — Ты не знаешь, с кем связалась, девочка! — последнее, что бросила мать.

Дети сидели до жути напуганные; более младшие заплакали и еле сдерживали крик.

— Ты лжёшь, — сказала Вита без эмоций. Подскочив с места, она быстрыми шагами удалялась, прихватив с собой соседа по парте. Мальчик был напуган и не произнёс ни слова.

Они прошли в полном молчании до парадной двери. В коридорах почти не было детей: все сидели на продлёнке или отдыхали в общежитии.

— Меня Рома зовут, — смущённо тонким голосом произнёс мальчик.

Вита улыбнулась: она уже не надеялась, что Рома скажет хоть слово.

— Я Вита, — шёпотом произнесла девочка, присев на корточки. — Не волнуйся, Татьяна Сергеевна выздоровеет, и всё будет хорошо! — Она улыбнулась ещё шире. — Ты первый год в школе? — мягко спросила девочка, стараясь не задеть чувства и без того напуганного школьника.

Рома неловко кивнул. Добравшись до общежитий, выяснилось, что он живёт в том, что предназначено для детей-сирот.

Вита шла рядом, не отпуская его руку. В интернате сиротами были все — даже если родители ещё где-то жили. Она это знала слишком хорошо.

— Хочешь пойти со мной на праздник? — невольно произнесла она.

Мальчик снова неловко кивнул. Они договорились о том, что девочка зайдёт к нему ровно в шесть. Вита приобняла мальчишку и пошла собираться к торжеству.

За окном стемнело.

Вита и Соня, сидя на террасе, готовили последние штрихи для праздника. Это отвлекло девочек от всех проблем: они смеялись от души, занимались ерундой и, самое главное, были детьми.

Закончив с приготовлением, подружки нарядились: их образ был очень необычный. Поверх бежевого, заgrimированного разрезами нательного белья они надели джинсы и красивые корсеты.

Увидев на часах без пяти шесть, они выдвинулись к соседнему общежитию. Соня была в курсе случившейся ситуации: ей было ужасно больно за малыша, и она без сомнений согласилась с решением подружки.

Рома ждал их в фойе, мальчик принарядился и выглядел как маленький мужчина. Он взял дам за руки и даже, как джентльмен, придержал на выходе дверь, которая под его весом стремилась закрыться.

Праздник проходил в большом зале школы, что вызвало страх у ребят, но с приготовлением и учёбой они напроць забыли о случившемся месяц назад.

Зал был увешан различными школьными предметами; на стене почётно висели фотографии учителей — правда, совсем неудавшиеся, что придавало шарм для веселья.

— Всё-таки решили помоложе выбрать? — громко спросил Тим, находясь на сцене.

— Очень смешно! — одновременно произнесли девочки, заходя в помещение.

— Ты бы с таким остроумием другу помогал сочинение писать, — холодно сказала Вита.

Она посмотрела на Рому: впервые его глаза горели детской радостью, ему было интересно всё, что происходило в том месте. Девочки отпустили его руки.

— Ты можешь пойти помочь другим или покушать, если голоден, — своим странно надменным голосом сказала Соня. Мальчик улыбнулся ей в ответ и убежал.

Зал был освещён лучше некуда: сотни огней светили с потолка. По центру висела антикварная люстра — она была огромная, светлая, как солнце, спустившееся с неба.

Торжество началось с речи одиннадцатиклассников — это было скучное зрелище: каждый из 20 школьников говорил одну и ту же заученную речь.

После выступали ребята помладше: танцы, песни. Каждый учитель внимательно наблюдал за ними, но предостерегался любого шороха, волнуясь, что именно в этот момент какой-нибудь девятиклассник свалится им на голову.

Время шло медленно, растянуто. Маленькая девочка лет десяти рассказывала на сцене стих, чуть не заплавав, когда пропустила строчку.

Нельзя было не заметить Ромку, который от стола к столу бегал, ел всяческие угощения и смеялся от всей души. Вита наблюдала за ним: странно, но именно в семилетнем мальчишке она увидела своё отражение.

Выступления подошли к концу, учителя выдохнули с облегчением: розыгрыша так и не произошло.

Время близилось к ночи. Малыши, которые выступали на концерте, уснули на диванчиках в коридоре — в их числе был и Рома. Вита укрыла его своим пиджаком и поцеловала в щёчку.

— У тебя красивые глаза, — сквозь сон произнёс мальчик.

Улыбнувшись, девочка зашла в зал. Праздник продолжился: учителя выпивали дорогое шампанское вместе с выпускниками старшей школы, разговаривали о жизни и веселились.

Девятиклассники в этот момент с хитринкой в глазах смотрели друг на друга, тихо нащёптывая: «сейчас».

Мальчик ростом под два метра подошёл к микрофону:

— Вы для нас как дом. Когда всё плохо, я знаю, куда прийти и кому поплакаться. Спасибо, что вы есть, — без единой оговорки тараторил он. — Пусть у вас всё будет... ну, по-настоящему круто.

— Куда круче-то? — тихо прошептал учитель географии, по счастливой случайности посмотрев вверх.

Место, где совсем недавно висела антикварная люстра, было удивительно пустым. На её месте находился огромный красный шар. Но, не успев никому это сказать, с дальнего угла послышался голос Тёмы. Единственное, что прокричал странный мальчик с луком в руках, было: «Привет».

Стрела быстро направлялась к шару. За одну секунду все, кто находился в комнате, были окрашены в кроваво-красный цвет. Краска летела отовсюду: с вентиляции, из водных пистолетов, которыми ловко управляли мальчишки с девятого класса.

— Пора бы отменить им уроки стрельбы, — начал было говорить Павел, но его прервали.

Девочки резко закричали. С дальнего угла на них шла волна огня. Ещё секунда — и у всех застыл ужас на лице.

Бум.

Огонь прошёл сквозь них.

Все, кто был в зале, застыли на месте. У них не было ссадин или ран, никто не обгорел.

— Может, мы умерли? — спросил тонкий голос старшеклассницы, стоявшей напротив директора.

— Не неси ерунды! — сказал не менее напуганный голос сзади.

Учитель ОБЖ развернулся к сцене и громко, показательно хихикнул.

— Развели нас! — чётко произнёс он, как будто расстроенным голосом. — Голограмма! Это была она.

И правда: на стене сцены висели проекторы. Они были не маленькие, но для большого зала выглядели весьма уместно — так, что на них не обратил никто внимания.

— Девочки... — шёпотом прокричал директор. Он в ужасе посмотрел на Виту и Соню, лежавших с окровавленными телами и порезами на ногах.

Подбежав к ним, он кинулся проверять пульс, звал на помощь, чуть не потеряв рассудок, надавил Вите на грудную клетку. Та не могла вдохнуть. Ей казалось, что рёбра сейчас треснут, а в голове звенело от страха.

— Павел Игоревич, вы сумасшедший, что ли? — спокойно, как ни в чём не бывало, произнесла девочка.

Все были в смятении. В зале повисла тишина, её нарушила Соня, еле сдерживая смех: она посапывала, лёжа в луже вишнёвого сока.

Павел поднялся, злобно посмотрев на школьников, обернулся и быстрыми шагами удалился из зала. За ним выбежали все учителя.

— Нам конец, — прошептал Лёва, управляющий голограммой.

Все, кто был в зале, резко захлопали им. Девятый класс превзошёл другие года: они умудрились вывести директора из себя.

Поднялся большой гул: казалось, что школа не выдержит такого и тотчас взорвётся.

Все продолжили веселиться. Преподаватели так и не зашли в зал, но наблюдали за всем из коридора.

Вита смотрела на всё с дальнего угла: она до жути испугалась, как дядя надавил ей на рёбра, чуть не переломав половину из них. Соня сидела чуть дальше, опять споря с Тёмой. Мальчики бегали и предлагали каждой девчонке потанцевать. День удался!

Наверное, можно было так подумать, пока по телу не пробежала дрожь и холод. Всё замерло. Кошмар застыл на лицах пяти ребят. Они оглядывались друг на друга, затыкая уши пальцами.

Всё смешалось: песни, поздравления с победой над учителями, ужас. Казалось, прошла вечность. Или всего пара секунд. Музыка оборвалась, и зал снова наполнился смехом, но в голове у Виты колыбельная не прекращалась ни на миг. Это была она, та самая, и от её мелодии по коже бежали ледяные мурашки.

Вита закрыла глаза. Мир исчез, осталась только тьма и эта бесконечная колыбельная.

Ещё один толчок.

Музыка сменилась. Все, как и прежде, веселились, не замечая пяти ребят, сидящих около стены, зажмурившись, как от резкой боли.

— Я тоже это слышал, — произнёс голос рядом с Витой.

Он был ей знаком. Девочка открыла глаза: перед ней сидел мальчик лет шестнадцати. Он был странно одет, но это совсем не смутило её.

— Разве мы не перестали общаться? — с интересом спросила она.

— А ты хочешь? — мальчик был слишком напористым.

Он сел рядом с ней, прижавшись к стене. Это был симпатичный юноша славянской внешности: его глаза были голубыми, но слишком поблёкшими; нос идеально ровный, а губы — пухлыми, алыми и первыми бросались в глаза.

— Тебе больно? — говорил он, указывая на разрезы на ногах.

— Это же муляж!

— А огонь получился красивым, — продолжал он, как будто не замечая ответов.

— Вита? — вдруг сказала Соня, сидевшая чуть дальше.

Та повернулась к ней и показала, что с ней всё хорошо. Она хотела было что-то сказать мальчику, но заметила, как он уходит. После случившегося она не могла встать и пойти за ним, только тихим криком произнесла:

— Сомневаюсь, что мы помирились!

Парень ничего ей не ответил, лишь с улыбкой оглянулся и кивнул.

Глава 5. Когда мы разучились быть рядом

Неделя после праздника выдалась сложной — казалось, эхо того вечера ещё бродило по пустым коридорам. Павел отчитал всех подряд, завалил работами так, что казалось, их не разгрести до зимы, и «наградил» девочек швабрами до конца месяца. Октябрь длился вечность: дни шли один за другим, все на одно лицо — только обиды прибавлялись, а усталость копилась, как пыль в углах коридоров.

Вита всё чаще встречалась взглядами с тем мальчиком, но каждый раз намеренно отводила глаза. Ей казалось, что если она снова заговорит с ним, то всё окончательно развалится.

Соня после торжества чуть не сошла с ума, но уже через неделю пришла в себя. Правда, она почти перестала разговаривать с друзьями: ей казалось, что вся проблема именно в них — их шум делал мир невыносимо громким, а ей отчаянно хотелось тишины, хотя бы чтобы услышать собственные мысли.

Лев и Тим продолжали устраивать шалости в школе. Вряд ли они сильно волновались о произошедшем, но игнорирование со стороны Сони не оставило в покое даже их. Они то и дело пытались втянуть её в очередной план, а когда не получалось, переглядывались и вздыхали, как взрослые, которым не дали закончить важное дело.

С Тёмой было всё гораздо проще: его заставили весь октябрь помогать на кухне. Не передать словами, сколько он трудился и пыхтел над приготовлением вишнёвого пирога. В его взгляде было одно: «Лучше бы я сейчас новый розыгрыш придумывал, чем вишню чистить».

Ребят раскидало по разным сторонам школы, и казалось, что дружба на исходе. Они всё реже собирались вместе, а если и встречались, то разговоры получались скомканными: кто-то торопился на дежурство, кто-то — на отработку, кто-то вообще делал вид, что не замечает остальных.

Неудивительно, что все успели забыть о существовании Инги в стенах заведения. Она растворилась среди книжных полок, стала частью библиотечной тишины. Иногда Вита видела её мельком: женщина стояла между стеллажами и смотрела в одну точку, как будто пыталась разглядеть в корешках книг ответы на вопросы, которые никто не задавал.

Однажды, проходя мимо, Вита замедлила шаг. Инга не заметила её, и на секунду девочке показалось, что мать выглядит не злой, а просто бесконечно уставшей. Вита хотела было вернуться и уйти, но в груди что-то кольнуло: не жалость, а странное, колющее любопытство.

Но она так и не подошла. Вместо этого она ускорила шаг и свернула в другой коридор, туда, где пахло свежей выпечкой и где Тёма наверняка ворчал на поваров за слишком твёрдую корку.

Дни шли. Октябрь цеплялся за школу мокрыми листьями и холодными сквозняками. Вита привыкала к этому ритму: утро начиналось с третьего звонка, вечер заканчивался тишиной, в которой слышно, как скрипит пол на этаже у младших.

Иногда ей казалось, что октябрь вообще не про события — он про то, как они учились не замечать друг друга. И эта тишина пугала сильнее, чем любая колыбельная.

А потом однажды вечером, когда коридоры уже опустели, Вита снова увидела того парня. Он стоял у окна, глядя на тёмный двор, будто ждал кого-то. Их взгляды встретились на долю секунды — и в этот раз Вита не отвела глаза.

Тот кивнул, как будто они договорились о чём-то без слов. И Вита почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло: будто месяц рутины и молчания наконец закончился, и теперь должно было начаться что-то новое.

Глава 6. Там, где горели

«Аравита Берг, в кабинет директора!» — прозвучал голос с громкоговорителя.

Вита, сидевшая на нудном уроке физики, с облегчением вздохнула. День выдался холодным, в окне виделся заснеженный лес. В такое время года как никогда не хочется сидеть за партой и думать об экзаменах. Да и после случившегося в день учителя всё перевернулось с ног на голову.

Она шагала по длинному коридору второго этажа, проходя мимо библиотеки, которая её не на шутку пугала. Мысли путались: почему её так официально вызвали в кабинет к собственному дяде? Мимо пролетали дети, коридор казался до невозможности длинным. По дороге Вита успела наткнуться на Соню — её будто подменили. Хотела ей что-нибудь сказать, но не успела: та быстрыми шагами прошла мимо. Рядом бегал Ромка, мальчишка за последнее время стал очень активным. Вита была рада, что он сумел адаптироваться под местные суровые условия.

Приблизившись к кабинету директора, она спокойно постучала. Не услышав ответа, повторила.

— Заходи уже! — бросил добрый голос изнутри.

Распахнув двери, девочка увидела мать: та улыбочиво сидела на стуле. Инга улыбалась, будто ничего не случилось. Вита смотрела на неё, и внутри всё сжималось. Эта женщина не просто пришла в школу — она въелась сюда, как пятно, которое не отмыть.

— Вита, что произошло в той кладовой? — тихо спросил Павел.

— О чём это ты? — спокойно ответила девочка. Она знала, в чём дело: тот октябрьский день въелся ей в память навсегда. Света, которую ударила Инга, всё рассказала инспектору по делам несовершеннолетних.

— Вита. Дочка! — ласковым голосом начала Инга. — Скажи своему дядьке, что я нормальная. Ты же видела, как эта мелкая дрянь...

— Следи за своим языком, — опомнился мужчина.

— Ты же видела, как эта беспризорница лезла ко мне? Вита, я же тебя воспитала всегда говорить правду.

Женщина тараторила, слова сыпались одно за другим, будто она пыталась ими защититься. Вита чувствовала, как по спине ползёт холод.

— Ты меня не воспитывала, — спокойно и вкрадчиво ответила она.

Все понимали, что дело должно быть решено сейчас. Павел показал Вите глазами на стул рядом с ним. Та сразу же села, выполнив его приказ.

— Что произошло той ночью? — на глазах Павла выступил страх.

— Павел Игоревич, вы же запретили мне о ней говорить, не так ли? — гордо сказала Вита, но, увидев свирепый взгляд дяди, продолжила: — Мы с соседкой по комнате...

— Это ты Соню так назвала?

— Мне можно продолжить? — раздражённо спросила Вита. — Мы с соседкой Соней услышали звук, решили проверить, что произошло, а эта женщина, как обезумевшая, ходила и наговаривала что-то.

Девочка не стала рассказывать ничего о кладовой и о том, как Соня разбила голову. Ей не нравилось вспоминать эти ужасные подробности, разрушившие их дружбу.

— Видишь, мелкая сама ничего не помнит, — начала Инга. Её перебил холодный взгляд брата. Зыркнув на неё, он рукой показал Вите на дверь.

Та покорно встала, бросила взгляд на мать и вышла прочь из кабинета, оставив в двери маленькую щель.

— Я подобрал тебя, ты обещала! — голос Павла звучал непривычно грубо.

— Ты же знаешь, в чём дело, дорогой? — ещё злее отвечала Инга. — Разве дело не в твоей мамаше?

— Она и твоя мать тоже!

— А разве не она...

Инга не успела договорить. Вита почувствовала, как кто-то приближается к двери.

Павел, подойдя к входу, улыбнулся племяннице и повернул ключ в дверном проёме. За закрытой комнатой можно было лишь гадать, о чём сейчас спорили родственники.

Вита, как ни в чём не бывало, вернулась в класс. Физика пройти не успела, что было ещё хуже закрытой двери в кабинете директора. Целый день была суматоха: ноябрь только начинался, но все готовились к родительскому дню. Обычно этот праздник проходил в День матери, и на нём насчитывали не больше пяти родителей, которые лицемерно натягивали улыбки. Ноябрь обещал быть морозным — и внутри заведения тоже.

Уроки закончились поздно, день без факультативов не мог не радовать ребят. Выйдя из класса, Вита увидела Леву и Тима. Они подбежали к ней. Ребята отлично общались и не замечали поводов для ссоры, они знали, что колыбельная, застывшая в их памяти, неприятна всем. Тёма вышел чуть позже; догнав ребят, они поплелись сквозь уйму школьников в столовую.

— Я сейчас быка точно готов съесть! — закричал Лёва на пороге столовой.

— Опять вишнёвый пирог... Вы что, издеваетесь? — обратился Тёма к повару за стойкой. Тот фыркнул что-то непонятное в ответ и поставил тарелку на поднос. Несмотря на недомольство мальчика, пирог выглядел очень вкусным, от него исходил аромат свежесобранной черешни и апельсина.

Увидев, что Соня сидит за дальним столом, все четверо подсели к ней. Они смеялись, радовались любой мелочи, но девочка не разделяла счастья. Вита понимала её. Они все боялись не меньше, но дети в интернате умеют носить маску, которая перечёркивает эмоции.

Ужин закончился на напряжённой ноте. В общежитие отправились все вместе, но минутному дружескому походу последовало неловкое молчание. Разойдясь по комнатам, все сразу же уснули. Было непонятно: на них так действует зима или то самое молчание, которое Соня сохраняла на протяжении месяца.

Вита открыла глаза задолго до звонка, что само по себе было ужасно удивительно. Посмотрев на время, она поднялась с кровати и вышла из комнаты. В коридоре вновь разгуливала Инга. Она ходила вокруг номера Светы, стучала, била по двери, но никто не отзывался, и тогда женщина приняла решение выбить её.

— Тебе помочь? — хитро сказала Вита матери. Но вместо ответа она увидела бешеный взгляд женщины. Развернувшись, Инга побежала на неё и вот-вот накинута бы, но Соня, открыв дверь, ударила ручкой ей в лоб.

— Спасибо, — с ужасом пробубнила Вита.

— Прости, — кратко сказала девочка. — Я слишком пугливая. Почему ты одна пошла на звук? Где мальчики?

Соня говорила и говорила. Вита удивлённо сказала:

— Какой звук? Сонь, что ты слышала?

— Как? Только я? А зачем ты вышла? Я сошла с ума? — в глазах подруги проступили слёзы.

Вита просто обняла её. Она не знала, что за звук слышала Соня, но дело точно не к добру. Так и оказалось. Как и в злосчастный октябрьский день, Инга поднялась и пробежала до кладовой.

Свет вспыхнул на секунду, и песня ворвалась в голову, как сломанная сирена. Вита почувствовала, как зубы сами собой сжимаются, а по затылку будто провели ледяной иглой. Боль пришла не сразу, а с опозданием, как эхо удара, и ударила вдвое сильнее.

— Не так, как раньше, да? — прозвучал голос Сони.

Вита, посмотрев на неё, кивнула и обернулась. По коридору шла Света, в обычной пижамной сорочке. Переглянувшись, девочки сделали шаг к стене. Света шла быстро, будто её накачали чем-то сильнодействующим. Но Виту смутило лишь одно: она напевала мелодию. Её губы попадали в слова песни.

Вновь резкий удар. Боль, которая не поспела к музыке, девушки ощутили с большей силой. Корчась на полу в припадке, они увидели Свету, шагнувшую в кладовую. Свет. Так продолжилось ещё минут пять, и девочки быстро забежали в комнату.

— Ну и ночка! — бросила Вита.

— А что у нас иначе бывает? — со смехом произнесла Соня.

Уставшие девочки легли на кровать. Когда они открыли глаза, над ними нависло два крупных тела.

— Вита Берг и Софья Соболева, как вы посмели жестоко, ужасно нарушить правило третьего звонка? — прозвучал голос Тёмы позади. Он пытался исковеркать и показать злобного Павла, и у него это получилось как никогда.

Мальчишки взяли подушки и накинули их девочкам на лицо. Отпустили через секунду, когда воспитатель этажа увидела эту нелепую картину и выставила их вон из комнаты.

Всё постепенно возвращалось на круги своя. Дружба крепчала день за днём, ребята не замечали, как нуждались друг в друге. Но странности поджидали их на каждом шагу — Света была главным примером. Девочка боялась каждого шороха, пугалась открытых дверей, а главное — кладовой. Её кошмарам осталось недолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.